ТЕТРАДЬ

для _____

_____

учени _____ класса 10

_____ школы _____

Васильева Елизавета Андреевна

Санкт-Петербург

№2264

51243

III тур (юриспруденция).

Проблема соотношения и взаимодействия естественного и позитивного права имеет крайне существенное значение в практическом аспекте для, пожалуй, всех государств современности. Анализируя её, можно выявить, соответствует ли позитивное законодательство (т.е. официально действующие, обеспеченные силой государственного принуждения правовые нормы) подлинному назначению права — а именно, обеспечению законности, правопорядка и консенсуса в обществе, соблюдению прав и свобод каждого индивида, достижению социальной справедливости — или же оно служит иным целям, ведущим к общественной дезорганизации, а потому подлежит реформированию в соответствии с объективной необходимостью.

Позиция автора предложенного для анализа текста состоит в том, что естественное право, существующее объективно и независимо от позитивного, не только должно превалировать над последним, поскольку соот-

30
38

51243

ветствует справедливости и неотъемлемым правам и потребностям человека и гражданина, но и способно, оказывая влияние на индивидуальное правосознание, насильственно корректировать действующее законодательство в случае его расхождения с естественными правами и даже в условиях невозможности таких реформ, вызванных бездействием, несостоятельностью или же отсутствием интереса к проблеме со стороны органов государственной власти.

Авторская концепция, безусловно, заслуживает пристального внимания, однако я не вполне согласна с ней и хотела бы показать, что существуют и другие точки зрения по данному вопросу.

Прежде всего, не вполне ясно, что автор подразумевает под „духовно-естественной правотой", если принимать в расчёт не только совокупность прав, закреплённую в таких ратифицированных большинством стран мира международных документах, как, например, Конвенция о правах ребенка. Очевидно, что подобные документы должны лежать в базисе позитивного права, однако в настоящее время, в связи с умножением форм социального взаимодействия и диверсификацией функций государства, оно зачастую регулирует отношения, имеющие довольно слабую связь с естественными правами. Не стоит забывать при этом, что социальные группы, как и конкретные индивиды, склонны рассматривать понятие справедливости, исходя из собственных интересов, а потому, как мне кажется, затруднительно в правотворчестве руководствоваться лишь абстрактными категориями справедливости и морали (что нисколько не умаляет их значимости). Кроме того, автор говорит о „конфликте" естественного и позитивного права так, как будто последнее изначально подразумевает диссонанс с правами и свободами гражданина и имеет целью их ущемление, а не поддержку. Это противоречит утверждению автора чуть позже о том, что обновление правовых норм тесно связано с

желанием закрепить и обеспечить „осуществление справедливых полномочий, прав и обязанностей". В действительности же действующее законодательство чаще всего строится на принципах естественного права, однако его реформы далеко не всегда способствуют утверждению последнего, причём это касается инициативы, исходящей как от государства. Автор признаёт существование неправовых законов, а уже этого факта достаточно, чтобы сделать вывод о том, что правотворчество нередко имеет негативные последствия, т. е. вызывает дисфункцию социальной и правовой дезорганизации.

Говоря о „здоровом" пути реформирования позитивного права, то есть о том случае, когда оно происходит по государственной инициативе, в соответствии с естественным правом и как реакция на возникновение общественных потребностей, автор утверждает, что „все нормы" действующего законодательства могут быть заменены новыми. По моему мнению, это не вполне верно, и является это высказывание следствием из того же ошибочного противопоставления позитивного и естественного как двух антагонистических аспектов права. На самом же деле нормы могут быть дополнены или откорректированы, но не заменены без потери своей основополагающей сущности; это касается лишь тех норм, которые противоречат естественному праву и потому, как правило, составляют абсолютное меньшинство в системе права.

Далее автор отмечает, что несправедливость законов ведёт к тому, что субъект правоотношений, а именно отдельный индивид, начинает строить линию своего поведения на мигностных убеждениях о естественном праве, которое является единственным критерием справедливости. Более того, он распространяет эти „новые" полномочия и обязанности и на других членов социума; а поскольку подобные процессы протекают в сознании каждого, то, логически, всё общество отторгает неправовой закон. Будь это так, не-

ясно, зачем обществу вообще необходимо правотворчество, ведь оно способно с невероятной точностью распознавать несправедливые правовые нормы и ликвидировать либо видоизменять их. На мой взгляд, описанный Автором процесс применим разве что к немногим членам общества, однако распространять его на всех индивидов значит чрезмерно переоценивать уровень индивидуального правосознания рядового обывателя, зачастую незнакомого даже с действующим законодательством государства, чьим гражданином он является. Именно вследствие всеобщей правовой безграмотности английский философ Томас Гоббс отвергал демократию, полагая, что „черни недоступна большая мудрость", и склонялся к монархии, то есть форме правления, при которой, по его мнению, безупречный суверен способен, будучи более интеллектуально и личностно развитым, чем его подданные, создать целесообразную систему права. Помимо вышесказанного, отнюдь не всегда люди имеют представление о естественном праве в нашем европейском понимании, поскольку правовая система в их государстве основывается не на идеях либерализма и Просвещения, а также достижениями правосознания XX века, но социокультурными особенностями цивилизации, к которой она принадлежит; это опять же говорит о некоторой субъективности понятия естественного права. В пример можно привести мусульманскую правовую систему, особенно распространенную в странах Ближнего Востока, таких, как Саудовская Аравия. Отдельные положения шариата никак не коррелируют с теми принципами естественного права, которые провозглашал ещё „отец либерализма" Джон Локк, тем не менее, подавляющее большинство населения этих государств признает позитивное право уместным и справедливым, поскольку их социализация происходила в соответствии с этим законодательством. Наконец, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что обычно признаниям человеком собствен-

ных прав ещё не гарантирует аналогичного признания этих прав и за другими. Альберт Коэн, в частности, утверждал, что девианты из низшего, а маргинализированного слоя общества, стремятся не к материальной выгоде, а к достижению, в их понимании, социальной справедливости, поскольку они ощущают свою ободённость в существующем обществе. Однако протест таких социальных групп, как правило, находит выражение в систематическом ущемлении прав других членов общества, поэтому подобные действия явно не могут иметь конструктивный характер, а тем более „творящий и совершенствующий жизнь в праве и по праву".

Описывая пути борьбы индивида против неправовых законов, автор утверждает, что они могут быть ненасильственными и не нарушающими естественные права других; тем не менее, неправовые нормы обычно являются императивными, т. е. их несоблюдение карается законом; это не только требует от личности выдающегося правосознания, о чём было сказано ранее, но неясно, каким образом такое поведение, осуществляемое отдельными членами общества, способно повлиять на общественную элиту, наделённую властными полномочиями, и изменить существующее законодательство.

Что касается альтернативного решения проблемы, я выделила бы три аспекта: а) какими критериями должно руководствоваться при правотворчестве, б) каким образом поддерживать обеспечение естественного права в государствах, где оно официально закреплено в законодательстве, в) как мировое сообщество может способствовать улучшению правового статуса личности в государствах, где базисные права человека и гражданина ещё не получили поддержки со стороны власти. Говоря о первом пункте, я хотела бы уточнить, что, хотя значение справедливости и морали ненарушимо, законодатель должен, наряду с обеспечением свобод личности, стремиться к социальной справедливости, то есть равноправному положению

всех социальных групп. В связи с этим может быть полезна концепция Иеремии Бентама, оценивающая моральность деяния (что может относиться и к регулирующей его правовой норме) в соответствии с тем, насколько большому числу людей оно принесло пользу. Эта позиция утилитаризма, однако, должна быть связана с консеквенциализмом: утверждая норму, необходимо прежде всего учитывать последствия его принятия. Переходя к пункту второму: чтобы естественное право не превращалось в декларируемую формальность и не дублировалось позитивным, имеет смысл всячески поощрять формы прямой демократии, которые способствовали бы ротации кадров в государственных структурах и предотвратили бы произвол со стороны власти. Необходимо также развивать систему образования для повышения как индивидуального, так и общественного уровня правосознания; таким образом, граждане обрели бы необходимый уровень правовой компетентности и могли бы оказывать влияние на законодательные органы власти. Что же касается пункта третьего, я полагаю, что мировое сообщество не может оставаться безучастным к законодательно легитимированному ущемлению прав личности, которое имеет место в некоторых государствах; международные организации могут применять, например, экономические санкции в качестве поощрения правотворчества, улучшающего правовой статус человека. На мой взгляд, при соблюдении всех вышеуказанных условий действительно можно добиться того, чтобы позитивное право гармонично сосуществовало с естественным, в полном соответствии с последним, причем не только в рамках отдельного государства, но и в наднациональном масштабе.

1	2	3а	3б	4	5	Сумма
5	8	4	3	5	7	32
6	6	4	1	7	4	28

+5 баллов за рефлексию

+3 балла за широкий взгляд